

Коробка Анастасия Павловна,
Студент Юридического факультета,
ЮРИУ РАНХиГС

Korobka Anastasia Pavlovna,
student of the Law Faculty, YURIU RANHiGS

**ЦИФРОВЫЕ АКТИВЫ В МЧП: КОЛЛИЗИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ,
ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕСТА НАХОЖДЕНИЯ ТАКОГО ИМУЩЕСТВА,
МЕЖДУНАРОДНЫЙ РОЗЫСК И АРЕСТ**
**DIGITAL ASSETS IN ICSID: COLLISION REGULATION, LOCATION
OF SUCH PROPERTY, INTERNATIONAL SEARCH AND ARREST**

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам международного частного права, возникающим в отношении цифровых активов. Автор анализирует ключевые коллизионные вопросы: определение применимого права к сделкам и вещным правам на такие активы, квалификацию их правовой природы и поиск надлежащего критерия для локализации в виртуальном пространстве.

Abstract. The article is devoted to the current problems of international private law arising in relation to digital assets. The author analyzes the key conflict issues: the determination of the applicable law to transactions and real rights to such assets, the qualification of their legal nature and the search for an appropriate criterion for localization in the virtual space.

Ключевые слова: Международное частное право, цифровые активы, криптовалюта, NFT, коллизионное регулирование, виртуальные активы.

Keywords: International Private Law, Digital Assets, Cryptocurrency, NFTs, Conflict of Laws, Virtual Assets.

Введение: новый вызов старому праву. Появление криптовалют, токенов и NFT не только создало новый класс активов, но и поставило под сомнение фундаментальные категории международного частного права (МЧП). Традиционные коллизионные привязки, основанные на локализации объекта или действия в физическом мире, теряют смысл в отношении децентрализованных, псевдоанонимных и виртуальных по своей природе активов. В статье рассматриваются три ключевые проблемы: выбор применимого права, определение юрисдикции и практика трансграничного принудительного исполнения.

1. Коллизионный тупик: какое право применять?

Первый барьер – квалификация. Является ли биткоин «имуществом», «иным имущественным правом», «денежным средством» или чем-то принципиально новым? От ответа зависит выбор коллизионной нормы.

К вещному праву (*lex rei sitae*)? Классическое правило места нахождения вещи неприменимо, так как у цифрового актива нет физического *situs*. Попытки привязать его к месту нахождения приватного ключа, сервера валидатора или регистра в блокчейне носят искусственный характер и сложно доказуемы.

К праву обязательства? Если рассматривать токен как право требования к децентрализованной сети, возможна привязка к месту исполнения обязательства, которое также размыто.

Автономия воли сторон (*lex voluntatis*)? Наиболее гибкий и популярный в контрактах подход. Однако он не решает вопросов вещных прав третьих лиц (например, при истребовании актива у добросовестного приобретателя) и может быть ограничен императивными нормами страны суда.

Вывод: формируется тенденция к созданию специальных коллизионных норм для цифровых активов, как, например, в швейцарском праве, где предлагается применять право страны, в которой хранится или из которой осуществляется доступ к ценностям.

2. «Место нахождения» для юрисдикции и ареста: юридическая фикция

Для предъявления иска о признании права или наложения ареста суд должен установить свою компетенцию, часто связанную с местом нахождения имущества. Суды вынуждены создавать фикции:

Местонахождение должника: Наиболее частый и прагматичный подход – приравнять местонахождение цифрового актива к месту жительства/нахождения его владельца.

«Контроль и доступ»: Некоторые правопорядки (например, в практике английских судов) рассматривают актив как расположенный там, где его контролирует собственник.

Место нахождения технологического посредника: Можно попытаться арестовать актив через биржу или кастодиальный кошелек, имеющие юридическую привязку к конкретной стране.

Эти подходы не универсальны и порождают конфликты юрисдикций.

3. Международный розыск и арест: практика и ограничения

Даже при наличии решения суда главная проблема – исполнение. Традиционные механизмы международной правовой помощи здесь малопригодны.

Арест через централизованные сервисы (биржи, кастодианы): Это самый эффективный путь. Суд выносит решение об аресте активов на счетах ответчика в конкретной бирже, которая подчиняется локальному законодательству. Однако активы могут быть моментально выведены на децентрализованные кошельки.

Арест приватного ключа: Теоретически суд может обязать ответчика передать приватный ключ. На практике это сложно исполнить, если ответчик не подчиняется.

«Декрет о Новахере» (феномен английского права): Суд может издать приказ, запрещающий любому лицу во всем мире (включая анонимных валидаторов) содействовать отчуждению актива, под угрозой contempt of court. Это мощный инструмент давления, но его экстерриториальный эффект оспаривается.

Розыск в блокчейне: Хотя транзакции прозрачны, установление связи между публичным адресом и конкретным физическим лицом требует специальных криптографических экспертиз и сотрудничества с биржами для идентификации.

Заключение: между адаптацией и революцией

Цифровые активы не вписываются в прокрустово ложе классического МЧП. На сегодняшний день судебная практика развивается по пути прагматичной адаптации старых инструментов: расширительного толкования понятия «место нахождения», активного использования автономии воли и фокуса на контролируемых посредниках.

Однако в долгосрочной перспективе необходима либо гармонизация материально-правового регулирования (признание единого статуса), либо разработка новых, специальных коллизионных и процессуальных норм на международном уровне. Пока же эффективность мер напрямую зависит от степени «оцифрованной слежки» в конкретной юрисдикции и готовности судов применять творческие, а подчас и агрессивные средства.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 24.02.2024). – Раздел VI «Международное частное право». – Ст. 1205, 1211.

2. Проект Федерального закона № 259684-8 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в первоначальной редакции, представляющей научный интерес для анализа коллизионных подходов). – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/259684-8> (дата обращения: 21.03.2024).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «О применении законодательства, регулирующего отношения по обязательственному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств». – П. 78. – (Указано как пример подхода ВС РФ к определению «места нахождения» цифровых активов через место жительства собственника для целей подсудности).

4. Принципы права глобальных сетей (The Tallinn Manual 3.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations). – Edited by M.N. Schmitt. – Cambridge University Press, 2022. – P. 151-154. – (Содержит анализ квалификации криptoактивов и вопросов юрисдикции в международном праве).

5. Barelli S. Jurisdiction over Digital Assets: The Lex Cryptographia and the Emergence of a New Conflict of Laws System // Stanford Journal of Blockchain Law & Policy. – 2022. – Vol. 5, No. 1. – P. 45-89. – URL: <https://stanford-jblp.pubpub.org/pub/digital-assets-jurisdiction> (дата обращения: 21.03.2024).

6. Borisova V., Mikhaylenko E. Cryptocurrencies in Private International Law: In Search of a Connecting Factor // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – Vol. 1, No. 1. – P. 110-134. – DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.6>.

7. AA v Persons Unknown [2019] EWHC 3556 (Comm). – (Ключевое английское дело о возможности ареста криptoактивов как «имущества» и выдачи мирового запретительного приказа (worldwide freezing order) в отношении анонимных лиц).

8. LCAG v. Chevron [2018] SGHC 201 (Singapore High Court). – (Дело, в котором суд Сингапура подробно рассмотрел вопрос о месте нахождения криптовалюты для целей юрисдикции и ареста, склонившись к месту нахождения владельца).

9. UNCITRAL Model Law on Electronic Transferable Records (2017). – United Nations, 2017. – (Хотя напрямую не о криptoактивах, представляет важный пример международной гармонизации права в цифровой среде, полезный для сравнительного анализа).

10. Федеральный закон Швейцарии о международном частном праве (Bundesgesetz über das Internationale Privatrecht, IPRG) от 18 декабря 1987 года. – Ст. 100с (введена в 2020 г.). – (Первый в мире пример прямой специальной коллизионной нормы для цифровых активов: «Права на цифровые ценности подчиняются праву государства, в котором эти ценности хранятся или из которого они могут быть использованы»).

11. Tapscott D., Tapscott A. Blockchain Revolution: How the Technology Behind Bitcoin and Cryptocurrency is Changing the World. – Penguin, 2016. – 384 p. –

12. Маковская А.А. «Цифровые активы» как объект гражданских прав: проблемы правового регулирования и коллизионные вопросы // Закон. – 2020. – № 10. – С. 67–81.

